

Александра Липасова

**СВОБОДА, РАВЕНСТВО И ОТЦОВСТВО:
ОПЫТ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН**

Fatherhood in the Nordic Welfare States. Edited by Gudny Bjork Eydal and Tine Rostgaard. Bristol: Policy Press. 2015. 409p. ISBN 978-1-44731-047-1

Считается, что понятие отцовства – в современной его трактовке социально конструируемого феномена – возникло в 80-х гг. XX в. (Чикалова 2012; Lamb et al. 1985). Тогда же появилось мнение, что отцовство находится в кризисе: социальные, экономические, культурные условия, поддерживающие традиционную роль отца, заключающуюся в материальном обеспечении семьи, моральном авторитете и неоспоримой власти, сильно изменились (Crouter et al. 1987; La Rossa 1988). Отец превратился в «человека-невидимку» (Jackson 1983). Семья, основанная на «модели кормильца», стала зоной депривации отцов (Esping-Andersen 1990; Lewis 1992; Williams 1998). В 1990-е гг. в США заговорили о появлении «безотцовского общества» (*fatherless society*), в котором все больше детей растут без отцов, а традиционная роль «кормильца» и необходимость его присутствия в семье ставятся под сомнение (Popenoe 1996; Blankernhorn 1996). Прописанные в традиционной семье нормы определяли, что экономический вклад мужчины-отца – это основа его главенства, а обязанность женщины-матери – вести хозяйство и ухаживать за детьми. В современной семье эта патриархатная субординация не работает (Здравомыслова 2008).

Скандинавские страны (Дания, Швеция, Норвегия, Финляндия и Исландия) являются первопроходцами в продвижении переключения от модели «кормильца» к модели «двойной зарплаты и заботы» (*"dual earner/dual carer"*), в которой гендерное равенство достигается за счет того, что каждый партнер обеспечивает себя самостоятельно, а мать и отец делят нагрузку финансового обеспечения семьи и ухода за детьми (Leira 2006). Социальная политика государств всеобщего благосостояния дает возможность матерям работать, а отцам заботиться о детях. Результатам проведения этой политики и оценки ее успешности посвящена коллективная монография «Отцовство в скандинавских государствах всеобщего благосостояния». В книге собраны 18 статей 25 авторов – профессоров и специалистов исследовательских центров, занимающихся вопросами социальной политики, родительства, социального неравенства, гендерными исследованиями. Как отмечают редакторы Гудни Бьорк Эйдал и Тине Ростгаард, эта работа является вкладом в критическое обсуждение сложностей и вызовов,

с которыми сталкиваются мужчины, становящиеся отцами. Хотя результаты собранных в монографии исследований показывают, что социальная политика скандинавских стран направлена на предоставление обоим родителям равных прав в семье и на рынке труда, существуют структурные и культурные препятствия, снижающие эффективность этой политики, которые надо распознать и попытаться устранить (с. 16).

Так удалось ли скандинавским странам достичь «нирваны гендерного равенства» (с. 278)? Насколько эгалитарны семейные отношения в «государствах благоденствия»? Все ли мужчины пользуются «отцовской квотой» и берут отпуск по уходу за ребенком? Достигнуто ли равенство в разделении работы по дому? Как в социальной политике отражены интересы однополых, неполных и иммигрантских семей? Отвечая на эти вопросы, авторы книги оперируют разнообразными научными теориями (теория структуры Э. Гидденса, теория планируемого поведения А. Эйсена, теория спатIALIZации А. Лефевра) и фокусируют свое внимание на различных аспектах отцовства на макро-, мезо- и микроуровне. Одни главы посвящены анализу изменений в социальной политике и семейном законодательстве, в других исследуются институциональные факторы на рынке труда, влияющие на поведение отцов, занятых в разных трудовых сферах, третьи фокусируются на ежедневных практиках скандинавских отцов.

Сравнивая эгалитарный гендерный порядок, присущий скандинавским странам, с превалированием модели «отца-кормильца», типичной для социальной политики стран южной Европы (Испания, Греция, Португалия), Микаэль Норденмарк приходит к выводу, что разница между этими двумя режимами объясняется различным отношением отцов к равному разделению семейных обязанностей: скандинавские отцы больше вовлечены в работу по дому и заботу о детях, чем «отцы-кормильцы» (глава 8). Причем приоритет отдается именно работе по дому, а не времени, проводимому с детьми: выполнение домашних дел можно запланировать заранее, а забота о детях чаще требует немедленного участия. Уровень образования матери также влияет на поведение отца – чем он выше, тем больше отцы вовлечены в работу по дому и уход за детьми. Эта закономерность прослеживается в обоих режимах. По мнению Норденмарка, дорога к эгалитарности в семье и на рынке труда лежит через изменение гендерных установок и повышение уровня образования женщин. Следует заметить, что подобные сравнения уже проводились: еще в 1992 г. Джейн Льюис проанализировала особенности гендерных режимов в государствах всеобщего благосостояния, но с фокусом на экономическое положение женщин (Lewis 1992). По ее мнению, в таких странах, как Великобритания, Ирландия, Германия, Нидерланды модель «отца-кормильца» существовала очень долгое время и крепко укоренилась, поэтому матери в этих странах не скоро завоеуют экономическую независимость. Напротив, США и Швеция сильно продвинулись на пути к модели «двойной зарплаты и заботы» (Льюис называет ее

моделью «работающих взрослых», «*adult worker model*»), при которой женщины имеют автономный статус и сами выбирают удобный им баланс между семейными и рабочими обязанностями.

На макроуровне одним из результатов социальной политики государств благосостояния стал тот факт, что в 2006 г. 96 % отцов в Норвегии использовали «отцовскую квоту» (*father's quota*) – 10 недель оплачиваемого непередаваемого отпуска по уходу за ребенком, который можно использовать на протяжении трех лет и совмещать с частичной занятостью (глава 6). Однако, как отмечают Берит Брандт и Элен Кванде, значение, которое придают этому отпуску отцы, неоднозначно в разных социальных слоях и зависит от культурных норм и представлений о статусе мужчины в семье. Отцы из среднего класса воспринимают свою роль как равнозначную материнской и когда они берут отпуск по уходу за ребенком, матери выходят на работу. Представители рабочего класса, напротив, берут свою «квоту» одновременно с декретным отпуском матери и часто используют ее, чтобы отдохнуть самим. Сопряженная с ним частичная потеря дохода также принижает значение отпуска для отцов, чьи доходы не очень высоки. Внимание отцов-рабочих чаще сфокусировано на старших детях и их нуждах, а не на новорожденном. Таким образом, эта мера является классово-ориентированной, более соответствующей ценностям среднего класса, но тем не менее способной повлиять на отцовские практики во всем обществе, медленно меняя традиционные представления о маскулинности.

Одна из статей книги посвящена долгосрочному влиянию использования «отцовской квоты» в Дании, где она не является законодательно обязательной с 2002 г. (глава 12). Исследование показало, что даже после развода отцы, бравшие отпуск по уходу за ребенком, с большей вероятностью продолжают участвовать в «со-родительстве» (*co-parenting*): несут материальную и юридическую ответственность за детей, то есть являются их попечителями и обладают родительскими правами (*legal custody*), видятся с ними и принимают решения относительно их будущего. Как отмечает автор статьи Май Оттосен, гендерное равенство является важным императивом в Дании, и от отцов ожидается участие в воспитании детей, но отклонения от этой нормы – отцы с недостатком преданности семье (*lack of commitment*) – тоже существуют. Чаще всего это мужчины с невысоким уровнем образования и нестабильной занятостью в частных компаниях. На сегодняшний момент в Дании отпуск по уходу за ребенком чаще берут отцы с высшим образованием, работой в государственном секторе, их партнерши хорошо образованы, занимают стабильную позицию на рынке труда и намерены вернуться на работу по истечении декретного отпуска. Отцы с более низким уровнем образования и уязвимым трудовым статусом также заинтересованы в родительском отпуске, но, по мнению Тине Ростгаард и Метте Лаустен (глава 13), этот интерес связан с изменениями в куль-

туре и восприятию отцовства, а не с институциональной поддержкой. Как считают авторы, законодательно закреплённая «отцовская квота», существовавшая до 2002 г., больше способствовала гендерному равенству в распределении между родителями отпуска по уходу за ребёнком, текущая же ситуация идет вразрез с принятым в соцполитике скандинавских стран принципом универсализма.

Не все группы отцов имеют право на оплачиваемый отпуск по уходу за ребёнком (глава 4). В Дании и Финляндии этим правом обладают только отцы, живущие со своими детьми. Норвегия и Швеция в большей мере поддерживают разделение родительских обязанностей в парах, не живущих вместе: отцы, являющиеся попечителями своих детей могут претендовать на оплачиваемый отпуск. И только законодательство Исландии позволяет использовать «отцовскую квоту» всем группам отцов, независимо от их семейного статуса, таким образом обеспечивая максимальное соблюдение права ребенка на заботу со стороны обоих родителей.

В Дании отцы вынуждены самостоятельно договариваться с работодателем о родительском отпуске. Лотте Блоксгаард сравнивает государственные и частные датские компании и институциональные факторы, действующие на рынке труда и влияющие на отцовские практики на мезоуровне (глава 7). Ее вывод таков: решение взять отпуск со стороны отца или предоставить его со стороны работодателя во многом зависит от принятых в данной компании норм и представлений о маскулинности, а также от поведения других отцов. В сочетании с тем, что в Дании, единственной из скандинавских стран, «отцовская квота» необязательна, переговоры отцов с работодателями оказываются нелегкой задачей. Следовательно, отпуск по уходу за ребёнком, предназначенный для обоих родителей, по-прежнему не является гендерно-нейтральным и воспринимается работодателями как предназначенный для матерей.

Анализируя отцовские практики иммигрантов в Дании, Аника Ливерсейдж приходит к выводу, что институт отцовства, вероятно, имеет еще и этническое измерение. Представители этнических меньшинств, в отличие от «датского большинства», склонны считать роли отца и матери в семье дополняющими друг друга, но никак не равными: отец должен обеспечивать семью и нести за нее ответственность, а мать – заниматься домом и детьми (глава 10). Однако статус иммигранта может сильно пошатнуть авторитет отца-кормильца. Этому есть несколько причин: непростая ситуация на рынке труда, где мужчины-иммигранты не всегда могут найти применение своим навыкам, повсеместность семейной модели «двойной занятости», а также социальная политика, направленная на достижение гендерного равенства. В статье проскальзывает признание: за эгалитарностью семейных отношений в Дании стоит тот факт, что в связи с высокой стоимостью жизни обоим родителям необходимо работать, чтобы свести концы с концами. Отцы-иммигранты по-разному приспосабливаются

к новым условиям. Одни вынуждены пересмотреть свои взгляды на равноправное взаимодействие между родителями. Для других потеря статуса кормильца приводит к разводу, в результате которого многие отцы-иммигранты перестают видеться со своими детьми, а иногда даже теряют жилье и становятся бездомными.

Одна из глав сборника посвящена отцовским практикам мужчин-геев в Норвегии (глава 11). Респонденты Арнфинна Андерсена приняли решение завести ребенка с лесбийскими парами и рожденные в этих союзах дети живут на два дома, воспитываются двумя матерями. Некоторые из респондентов являются активными участниками ЛГБТ-движения, и, как отмечает Андерсен, изначально рассматривали будущее отцовство как радикальный, способный изменить общественные нормы проект, бросающий вызов нуклеарной гетеросексуальной семье. Но с рождением ребенка возникает парадокс: в «альтернативной» семье отцы-геи оказываются вовлечены во вполне конвенциональные практики родительства – неотъемлемую часть жизни гетеросексуальной семьи, против которой они так яростно протестовали. Поскольку гетеросексуальная семья по-прежнему остается нормой в обществе, отцы-геи оказываются в ситуации смешения «нормальных» и «нормативных» практик (Бэр 2004). По словам Андерсена, понятия дома и семьи в Норвегии часто синонимичны и его респондентам, которые не живут вместе с матерями своих детей, приходится ломать эту традицию и создавать пространство (не только физическое, но и социальное, эмоциональное), которое заменит ребенку родительский дом. С другой стороны, нормативный идеал отца требует от них построить уникальные отношения с детьми, не зависящие от отношений детей с их матерью (Marsiglio 1995).

На микроуровне отцовство представляет собой индивидуальный проект отдельно взятого мужчины, связанный с его ролью в семье, поведением, практиками и значением, которое он придает отцовству. На социальном уровне статус отцовства не так однозначен. Как отмечают Тине Ростгаард и Расмус Мoberг (глава 2), отцовство не является обязательным для скандинавских мужчин. Хотя большинство из них становятся отцами в определенный момент своей жизни, решение о добровольной бездетности является для них приемлемым. К примеру, решение не иметь детей осуждают 6% мужчин старше 40 лет в Дании и 83% в России (European Social Survey 2006). По сравнению с остальной Европой, мужчины в государствах всеобщего благосостояния демонстрируют более гибкие и толерантные взгляды относительно того, становиться ли им отцами, в каком возрасте и сколько детей иметь. Результатом такого «расслабленного» отношения к отцовству является относительно невысокая мужская фертильность ниже уровня простого воспроизводства. Таким образом, решение иметь или не иметь детей тоже является одним из аспектов отцовства.

Несмотря на очевидные сложности и нерешенные проблемы, скандинавские страны сделали уверенный шаг из патриархатного прошлого

в эгалитарное настоящее. В связи с этим интересно сравнить их социальную политику с российской. По мнению некоторых исследователей, в российском обществе происходит фактическое усиление гендерной асимметрии в повседневной жизни мужчин и женщин (Здравомыслова 2008). Безусловно, этому способствуют негибкие, крепко укоренившиеся в сознании людей традиционные семейные нормы и особенности внутрисемейного договора, но не в последнюю очередь сложившийся гендерный порядок в семьях обязан своим существованием российскому семейному законодательству. Так, в России существует льгота, которую можно условно назвать «отцовской квотой»: отец может взять декретный отпуск и получать пособие по уходу за ребенком, как и любые близкие родственники, если они заботятся о ребенке и вынуждены на время оставить оплачиваемую работу. Выплата пособия осуществляется работодателем до достижения ребенком полутора лет и составляет 40% от среднего заработка заявителя, но не более определенной суммы, в 2015 г. – 19855,78 руб. (Федеральный закон 2012). Однако, очевидно, что использование этой льготы отцами выгодно только семьям, в которых отцы зарабатывают меньше матерей.

Утвержденная в 2014 г. «Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» предусматривает меры, направленные на «сохранение и укрепление семейных ценностей», основной из которых является ценность брака, «понимаемого как союз мужчины и женщины, основанный на государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния» (Концепция... 2014: 6). Таким образом, семья, созданная без официальной регистрации брака, полноценной не считается. Идеальной семейной моделью, транслируемой «Концепцией...», выступает многодетная многопоколенная семья, однако не вполне понятно, где она будет жить: на сегодняшний момент «только четверть граждан проживает в отдельной квартире или доме со всеми коммунальными удобствами, где на одного человека приходится не менее 18 кв. метров» (Концепция... 2014: 5). В «Концепции...» указывается, что работодателям, принимающим на работу женщин с детьми от 1,5 до 3 лет, гарантируется поддержка, а также подчеркивается необходимость создания «реальных условий для совмещения родительских и семейных обязанностей с профессиональной деятельностью», но тут же констатируется факт: «число детей, находящихся в очереди на получение места в детском саду, в 2013 году составило 2,7 млн человек» (Концепция... 2014: 4). Семье предлагается достичь экономической самостоятельности за счет «развития индивидуального предпринимательства родителей», однако из виду упускается тот факт, что индивидуальные предприниматели, помимо налогов, обязаны платить высокие страховые взносы в Пенсионный Фонд и в фонды социального и обязательного медицинского страхования (от 22260 руб. в 2015 г. в зависимости от размера ИП) (Концепция... 2014: 7; Федеральный закон 2009). «Концепция...» также предполагает «реализацию дополнительных образовательных программ для

мужчин в целях формирования ответственного отцовства, повышения социальной роли отца, вовлечения мужчин в семейные дела и воспитание детей», видимо, потому что «2,2 млн детей, из них 400 тыс. детей из малообеспеченных семей, не получают алименты» (Концепция... 2014: 10, 6). В целом «Концепция...» выглядит как список идей о том, «как должно быть в идеале», а не как программа конкретных действий.

Итак, несмотря на распространение новых эгалитарных родительских практик, российская социальная семейная политика, направленная на традиционные семейные ценности, скорее следует в противоположном направлении и делает шире разрыв между законодательством и реальной жизнью людей, которым прежде всего нужны адекватные пособия по уходу за детьми, детские сады и рабочие места.

Список источников

Бэр Б. Отцы и дети и любовники: «голубые» родители в постсоветской России. Пер. Н. Мытаревой // С. Ушакин (ред.) *Семейные узы: модель для сборки*. Кн. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2004: 316–334.

Здравомыслова О. Семья: из прошлого в будущее // Н. Алексеева (ред.) *Гендер для «чайников»*. М.: Звенья, 2008: 141–160.

Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 N 1618-р. // <https://clck.ru/9Ua4L> (дата обращения: 12.04.2015).

Федеральный закон № 207-ФЗ от 05.12.2006 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственной поддержки граждан, имеющих детей» редакция от 29.12.2012.

Федеральный закон № 212-ФЗ от 24.07.2009 О страховых взносах в Пенсионный Фонд Российской Федерации, Фонд социально страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования.

Чикалова Е. Исследования отцовства и маскулинности: точки пересечения // *Женщина в российском обществе*. 2012. 2 (63): 44–54.

Blankenhorn D. *Fatherless America: Confronting Our Most Urgent Social Problem*. New York: Harper Perennial, 1996.

Crouter A., Perry-Jenkins M., Huston T., McHale S. Processes Underlying Father Involvement in Dual-Earner and Single-eEarner Families // *Developmental Psychology*. 1987. 23 (3): 431–440.

Jackson E. *Fatherhood*. New York: Routledge, 1983.

Esping-Andersen G. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Princeton: Princeton University Press, 1990.

European Social Survey. Round 3–2006 // www.europeansocialsurvey.org (дата обращения: 12.04.2015).

La Rossa R. Fatherhood and Social Change // *Family Relations*. 1988. 37 (4): 451–57.

Lamb M., Pleck J., Charnov E., Levine J. Paternal Behavior in Humans // *American Zoologist*. 1985. 25: 883–894.

Leira A. *Politicising parenthood in Scandinavia: Gender Relations in Welfare States*. Bristol: The Policy Press, 2006.

Lewis J. Gender and the Development of the Welfare Regimes // *Journal of European Social Policy*. 1992. 2 (3): 159–173.

Marsiglio W. Fatherhood scholarship: an overview and agenda for the future // W. Marsiglio (eds.) *Fatherhood: contemporary theory, research and social policy*. London: Sage, 1995: 1–20.

Popenoe D. The decline of fatherhood: Disappearing dads are destroying our future. *The Wilson Quarterly*, Sept-Oct 1996 // <https://clck.ru/9Ua4a> (дата обращения: 12.04.2015).

Williams F. Troubled Masculinities in Social Policy Discourses: Fatherhood // J. Popay, J. Hearn, J. Edwards (eds.) *Men, Masculinities and Gender in Welfare*. London: Routledge, 1998: 63–100.

- McRobbie A. (2011) "Everyone is Creative": Artists as Pioneers of the New Economy? Leger, M. (ed.) *Culture and Contestation in the New Century*, Bristol: Intellect: 77–92.
- McRobbie A. (2002) Fashion Culture: Creative Work, Female Individualization. *Feminist Review*, 71(1): 52–62.
- Neff G., Wissinger E., Zukin S. (2005) Entrepreneurial Labor Among Cultural Producers: "Cool" Jobs in "Hot" Industries. *Social Semiotics*, 15(3): 307–334.
- Shkaratan O.I., Inyasevskiy S. A., Lyubimova T. S. (2008) Novyy sredniy klass i informatsional'nye rabotniki na rossiyskom rynke truda [The New Middle Class and IT Workers on Russian Labor Market]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Science and Modernity], 1: 5–27.
- Steyerl H. (2011) Politics of Art: Contemporary Art and the Transition to Postdemocracy. A. Vidokle, A. Vidokle, B. K. Wood (eds.) *Are You Working Too Much?: Post-Fordism, Precarity, and the Labor of Art*, Berlin: Sternberg: 30–40.
- Zemnuhova L. (2012) "Aytishniki chashche lyubyat svoyu rabotu": k obsuzhdeniyu rezul'tatov issledovaniya ["IT Professionals Often Love their Work": to Discussion of the Research Results]. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya: sbornik nauchnykh trudov sotsiologicheskogo instituta RAN* [Petersburg Sociology Today: Proceedings of RAS Sociological Institute], (4): 88–115.

Alexandra Lipasova

FREEDOM, EQUALITY AND FATHERHOOD: SCANDINAVIAN EXPERIENCE

Fatherhood in the Nordic Welfare States. Edited by Gudny Bjork Eydal and Tine Rostgaard. Bristol: Policy Press. 2015. 409p. ISBN 978-1-44731-047-1

References

- Baer B. (2004) Ottsy i deti i lyubovniki: "golubye" roditeli v postsovetsoy Rossii [Fathers and Sons and Lovers: Gay Parents in Post-Soviet Russia]. S. Ushakin (ed.) *Semejnye uzy: model' dlya sborki. Kn. 1* [Family Ties: a Model for Assembling], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [New Litarary Observer]: 316–334.
- Blankenhorn D. (1996) *Fatherless America: Confronting Our Most Urgent Social Problem*, New York: Harper Perennial.
- Chikalova E. (2012) Issledovaniya otcovstva i maskulinosti: tochki peresecheniya [The Studies of Fatherhood and Masculinity: Interception Points]. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve* [Woman in Russian society], 2(63): 44–54.

Alexandra Lipasova – post-graduate student of National Research University – Higher School of Economics, Russian Federation. Email: lipasova@mail.ru

- Crouter A., Perry-Jenkins M., Huston T., McHale S. (1987) Processes Underlying Father Involvement in Dual-Earner and Single-Earner Families. *Developmental Psychology*, 23 (3): 431–440.
- Esping-Andersen G. (1990) *The Three Worlds of Welfare Capitalism*, Princeton: Princeton University Press.
- European Social Survey. Round 3–2006. Available at: www.europeansocialsurvey.org (accessed 12 April 2015).
- Federal'nyj zakon № 207-FZ ot 05.12.2006 "O vnesenii izmenenij v odel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v chasti gosudarstvennoj podderzhki grazhdan, imejushih detej" redakcija ot 29.12.2012 [Federal Law № 207-FZ from 05.12.2006 "On Making Amendments to Particular Law Acts of Russian Federation Concerning the State Support of Citizens with Children" Edition of 29.12.2012].
- Federal'nyj zakon № 212-FZ ot 24.07.2009 "O strahovyh vzosah v Pensionnyj Fond Rossijskoj Federacii, Fond social'no strahovanija Rossijskoj Federacii, Federal'nyj fond objazatel'nogo medicinskogo strahovanija" [Federal Law № 212-FZ from 24.07.2009 "On insurance Payments to Pension Fund of Russian Federation, Social Insurance Fund of Russian Federation, Compulsory Medical Insurance Fund of Russian Federation"].
- Jackson E. (1983) *Fatherhood*, New York: Routledge.
- Koncepcija gosudarstvennoj semejnoy politiki v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 25.08.2014 N 1618-r [The Concept of State Family Policy in Russian Federation for the Period till 2025. Edict of Government of Russian Federation of 25.08.14 N 1618-r]. Available at: <https://clck.ru/9Ua4L> (accessed 12 April 2015).
- La Rossa R. (1988) Fatherhood and social change. *Family Relations*, 37(4): 451–57.
- Lamb M., Pleck J., Charnov E., Levine J. (1985) Paternal Behavior in Humans. *American Zoologist*, 25: 883–894.
- Leira A. (2006) *Politicising parenthood in Scandinavia: Gender Relations in Welfare States*, Bristol: The Policy Press.
- Lewis J. (1992) Gender and the Development of the Welfare Regimes. *Journal of European Social Policy*, 2(3): 159–73
- Marsiglio W. (1995) Fatherhood Scholarship: an Overview and Agenda for the Future. Marsiglio W. (ed.) *Fatherhood: Contemporary Theory, Research and Social Policy*, London: Sage: 1–20.
- Popenoe D. (1996) The Decline of Fatherhood: Disappearing Dads are Destroying our Future. *The Wilson Quarterly*. Available at: <https://clck.ru/9Ua4a> (accessed 12 April 2015).
- Williams F. (1998) Troubled Masculinities in Social Policy Discourses: Fatherhood. Poppay J., Hearn J., Edwards J. (eds.) *Men, Masculinities and Gender in Welfare*, London: Routledge: 63–100.
- Zdravomyslova O. (2008) Sem'ja: iz proshlogo v budushhee [Family: from the Past to the Future] N. Alexeeva (red.) *Gender dlja "chajnikov"* [Gender for "Dummies"], Moscow: Zven'ja: 141–160.